

Экономика

Еще раз о девальвации юаня

© 2016

С.С. Цыплаков

Статья развивает тему, поднятую в прошлогодней публикации «Девальвация юаня: причины и последствия» (ПДВ. 2015. № 5). В ней рассматриваются события, связанные с дальнейшими шагами Китая по реформированию механизма установления валютного курса и с девальвацией юаня в конце 2015 — начале 2016 гг.

Ключевые слова: курс юаня, экономический рост, Народный Банк Китая (НБК), валютный индекс юаня, девальвация юаня, валютные резервы.

Статья «Девальвация юаня: причины и последствия» (Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5) писалась по «горячим следам» событий августа 2015 г., связанных с реформой системы формирования валютного курса, и последовавшей за ней девальвацией китайской национальной валюты по отношению к доллару США. Статья завершалась предположением, что несмотря на определенную стабилизацию валютного рынка в начале сентября «в более же отдаленной перспективе нельзя исключать продолжения мягкой девальвации юаня, поскольку экономические предпосылки для нее имеются, равно как имеются и соответствующие рыночные ожидания....».

Последующие события не заставили себя долго ждать. После короткого периода относительного затишья (сентябрь-ноябрь прошлого года), в начале января курс юаня вновь пережил потрясения и оказался в центре внимания, как в Китае, так и за его пределами. Однако прежде чем говорить о них, целесообразно посмотреть, что происходило осенью и в начале зимы.

В данном контексте представляют интерес, прежде всего, три группы факторов: макроэкономическая ситуация в самом Китае, процесс интернационализации юаня, а также общее положение на китайском и мировом финансовых рынках. Именно эти факторы оказывали непосредственное воздействие на внутренний валютный рынок и действия Народного Банка Китая (НБК).

Ситуация в китайской экономике должна быть в общих чертах известна читателю, поскольку новости, статистические данные, комментарии и аналитические статьи о ней стали «горячей» темой и часто освещаются СМИ. Поэтому отметим только, что в последние месяцы прошлого года замедление китайской экономики продолжалось и усиливалось. По данным официальной статистики, экономический рост в 3 и 4 кварталах со-

ставлял соответственно 6,9% и 6,8%. Годовой темп роста ВВП снизился с 7,3% до 6,9%, что стало самым «слабым» показателем с 1990 г. Впрочем, многие иностранные и некоторые китайские эксперты считают эти цифры завышенными. Отталкиваясь от данных о снижении энергопотребления, сокращении объема грузовых перевозок, они полагают, что реальные темпы роста снизились еще больше и составляют примерно 5%. О цифрах, конечно, можно спорить, но сама тенденция сомнений не вызывает.

Положение во внешнеторговой сфере также продолжало оставаться сложным. Впервые с 2009 г. объем внешней торговли Китая (в долларовом исчислении) сократился на 8%, экспорт — на 2,8% импорт — на 14,1%. Уменьшились экспортные поставки на рынки ЕС (-4%), Японии (-10,8%), Тайваня (-3%). Одним из немногих исключений стал американский рынок, на который китайские поставки увеличились на 3,4% (409,65 млрд долл.), доля США в экспорте Китая возросла до 18% против 16,9% в 2014 г.¹

Среди товарных позиций в наибольшей степени сократился экспорт продукции трудоемких отраслей. Вывоз текстиля, одежды, обуви уменьшился соответственно на 2,3%, 6,4%, 4,8%. Тем не менее, доля трудоемких товаров в структуре экспорта по-прежнему была довольно высокой — на уровне 20,7%².

В целом к концу года стало очевидным, что снижение темпов экономического роста, трудности во внешнеторговой сфере не только сохранятся в 2016 г., но, вполне возможно, даже еще усилятся. Это было общее мнение практически всех авторитетных китайских аналитических центров. Такие оценки давались Академией общественных наук КНР, аналитическими структурами НБК, научно-исследовательским институтом Госкомитета по развитию и реформе и др. Естественно, что они несколько расходились в цифрах возможного дальнейшего замедления, но не существенно, в пределах от 6,6% до 6,8%. В большинстве материалов отмечалось, что первое полугодие будет особенно сложным. В этот период рост может снизиться до 6,5%, а рассчитывать на некоторое улучшение ситуации можно будет только ближе к концу года³. Официальные прогнозы шли в русле этих оценок. Как заявил в начале февраля Председатель Госкомитета по развитию и реформе Сюй Шаоши, целевым показателем экономического роста в текущем году может быть интервал между 6,5% и 7%⁴.

Западные эксперты смотрели на экономическое положение примерно также, но с большей долей пессимизма и предсказывали замедление экономики Китая до 6,3–6,4% с переходом нисходящего тренда и на 2017 г.⁵

Общий настрой участников рынка в последние месяцы 2015 г. можно было бы назвать негативно-выжидательным. Они как бы затаились, ожидая сигналов от руководства страны относительно его планов на ближайшую перспективу.

В октябре и декабре состоялись 5 Пленум ЦК КПК и Центральное экономическое совещание, основными темами которых были стратегия на 13 пятилетку (2016–2020) и задачи на 2016 г. На них обсуждались очень актуальные и важные для экономической жизни Китая проблемы: инновации, развитие экономики предложения, борьба с избыточными мощностями в промышленности и колоссальными объемами нерезализованной недвижимости, предотвращение системного финансового кризиса и др. Однако при всей их важности есть одно «но»: для их решения понадобится не один год. Вразумительного и, что самое главное, убедительного ответа на вопрос, что руководство намерено делать в ближайшие месяцы, в общем-то не последовало. Нараставшая неопределенность стала своего рода миной замедленного действия, которая могла взорваться в любой момент и по любой причине.

Сложная экономическая ситуация внутри страны, тем не менее, не помешала Китаю поддерживать высокую активность «на внешнем фронте» по линии укрепления международных позиций юаня. В предыдущей статье мы отмечали, какое большое значение китайское руководство придает вопросам включения юаня в корзину специаль-

ных прав заимствования МВФ, усилению роли Китая в регулировании и управлении мировой экономикой.

После проведения в августе реформы системы формирования валютного курса открылись возможности нахождения компромиссных развязок по этим вопросам. Как и следовало ожидать, Пекин, понимая подчиненную роль руководства МВФ, которое фактически лишено прав принимать принципиальные решения самостоятельно, предпочел договариваться непосредственно с Вашингтоном. Во время сентябрьского визита Си Цзиньпина в США лидеры двух стран достигли договоренности, что США «поддержат включение юаня в корзину валют МВФ, при условии соответствия юаня нормам и стандартам МВФ и прохождения им соответствующей процедуры рассмотрения». Одновременно американцы дали обещание не препятствовать реформе долей участия в МВФ в соответствии с договоренностями 2010 г. (пересмотр долей участия блокировался Конгрессом США, который отказывался утвердить соответствующее соглашение)⁶.

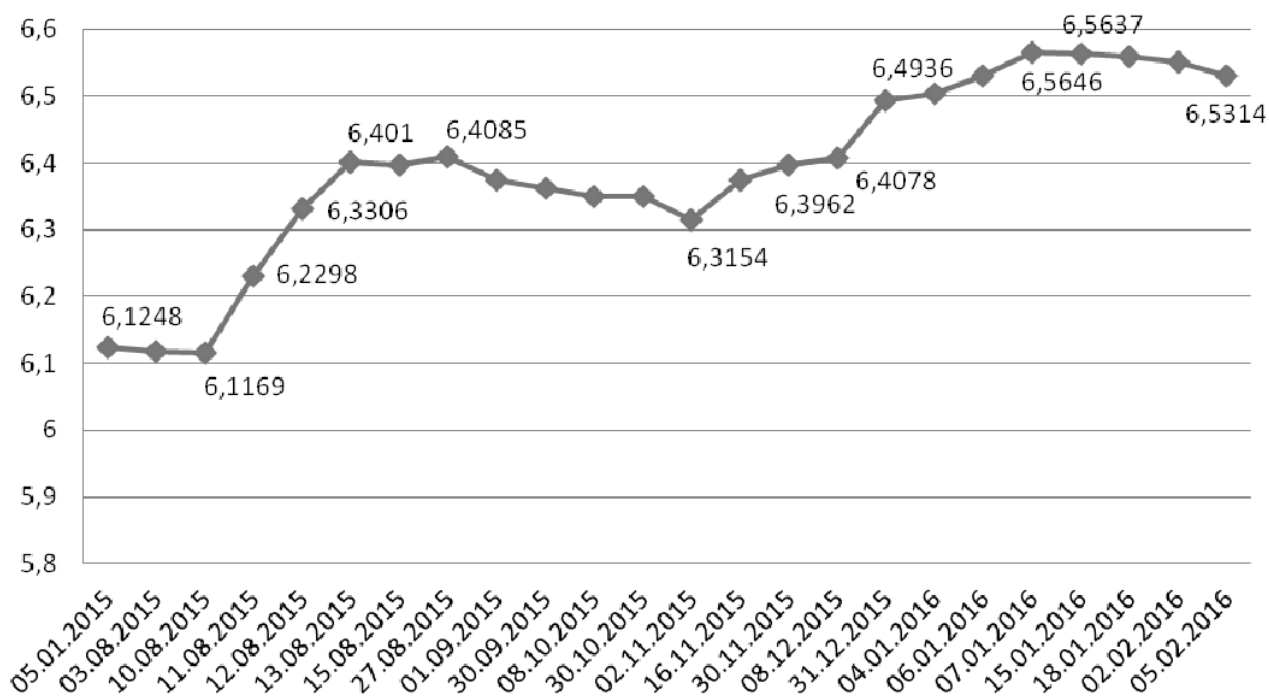
Остальное уже было делом техники. По итогам рассмотрения МВФ сделал заявление о том, что юань соответствует критерию «свободного использования», то есть снял свое главное возражение против включения юаня в корзину валют. Это было сразу поддержано Великобританией и Францией. 30 ноября соответствующее решение было принято. Однако вступление его в силу произойдет только 1 октября 2016 г., в этом вопросе Пекин был вынужден пойти на уступку. С указанной даты количество валют, включенных в корзину специальных прав заимствования, будет расширено с 4 до 5, а их доли составят: доллар США — 41,73% (41,9%), евро — 30,93% (37,4%), юань — 10,92% (0%), британский фунт — 8,33% (11,3%), японская иена — 8,09% (9,4%)⁷.

Включение юаня в корзину валют МВФ, безусловно, стало крупной победой китайской экономической дипломатии. Что бы ни говорили о том, что со стороны Запада это не более чем «ритуальный жест», «простое проявление вежливости», которые де не имеют большого практического значения, — это не так, или, по крайней мере, далеко не совсем так. Действительно, вхождение юаня в корзину валют не дает сиюминутных выгод и даже наоборот накладывает новые обязательства. Однако Китай в данном случае сиюминутных выгод и не преследовал, он действовал из расчетов на перспективу с временным горизонтом, как минимум, 5–10 лет, которые будут ключевыми с точки зрения реального становления юаня в качестве одной из мировых резервных валют. Не надо забывать, что в 2008–2009 гг. активно велись разговоры о получении статуса резервной валюты российским рублем, о создании в Москве международного финансового центра, и кто где в результате оказался?

Вместе с тем, подчеркнем, преувеличивать этот успех, равно как и предстоящее увеличение доли Китая в капитале МВФ (Б. Обама свое слово сдержал и провел в декабре через Конгресс соответствующее решение) не следует, это — пока только заделы на будущее, которые еще предстоит реализовать.

На внутреннем финансовом рынке в осенние месяцы прошлого года установилось относительное затишье. После бурных потрясений августа курс юаня к доллару в сентябре–ноябре стабилизировался и держался на уровнях между 6,3 и 6,4 юаня за доллар. 2 ноября курс поднялся до отметки 6,3154 (наивысшее значение с начала реформы валютного курса). После этого начинается снижение, которое сначала идет медленно и плавно, затем ускоряется. К 30 ноября юань опустился до 6,3962, 8 декабря курс был 6,4085, то есть ниже минимальных значений августа. За 4 месяца юань описал дугу и вернулся на исходные позиции.

Колебания курса юаня к долл. США (январь 2015 — февраль 2016 гг.)

Источник: URL: <http://www.safe.gov.cn>

Таким образом, «отложенное» решение о включении юаня в корзину МВФ непосредственного влияния на колебания валютного курса не оказало. В то же время оно стало поводом для внесения корректив в курсовую политику. С 11 декабря китайская валютная биржа начала публиковать справочный валютный индекс юаня к корзине валют. Он рассчитывается на основе курсов 13 валют. Наибольший удельный вес (92,67%) в ней имеют следующие семь: доллар США — 26,4%, евро — 21,39%, иена — 14,68%, гонконгский доллар — 6,55%, австралийский доллар — 6,27%, британский фунт — 3,86%, сингапурский доллар — 3,82%. Курс юаня к корзине валют в конце 2014 г. был принят за 100. На 30 ноября индекс составил 102,93, то есть повысился в целом к корзине валют, что должно было свидетельствовать о «базовой стабильности» юаня.

В эти же дни на сайте НБК были размещены две статьи (за подписью «специального обозревателя»), в которых разъяснялся смысл этой новации. Вкратце, речь в них шла о том, что ориентироваться при определении валютного курса почти исключительно на доллар США, хотя и стало для китайского рынка привычным, но такой подход не является достаточно объективным. Он не позволяет в полной мере учитывать реалии международной финансовой системы и мировой торговли, а также не отражает того, что разные экономики находятся на неодинаковых этапах экономического цикла. Отсюда делался вывод, что необходимо обращать больше внимания на колебания корзины валют. Однако в то же самое время оговаривалось, «что ориентироваться по корзине валют не тождественно привязке к ней» и не означает «механического» установления курса юаня на ее основе⁸.

Из всего этого следовало, что регулятор склоняется к тому, чтобы ослабить тесную связь между курсами юаня и доллара. И сделать это он решил именно в это время не случайно, а ввиду неизбежности повышения учетной ставки ФРС. Небезосновательные опасения Китая на сей счет были хорошо известны, о них НБК говорил еще в августе, в момент начала реформы валютного курса. В сложившихся условиях это могло означать только продолжение девальвации юаня к доллару. К ней подталкивали фундаментальные

общеэкономические факторы, рыночные ожидания и усилившийся отток капитала с китайского рынка

В оставшиеся дни декабря курс юаня продолжал снижаться. В последний день торгов он вплотную подошел к отметке 6,5. За ноябрь-декабрь курс юаня к доллару снизился на 2,82%, а в целом за 2015 г. его снижение составило 6,12%.

Начало 2016 г. и особенно его первая неделя стали для китайского рынка очень бурными. За первые четыре дня торгов (4–7 января) курс юаня к доллару снизился в общей сложности на 1,1%. Это, казалось бы, не слишком резкое колебание спровоцировало, тем не менее, панику на рынках не только в Китае, но и за рубежом. В Китае она охватила фондовые площадки. Индекс Шанхайской биржи к 11 января упал на 14,8%. 4 и 7 января амплитуды дневных падений составляли 6,86% и 7,04%, торги прерывались.

В Гонконге, помимо падения котировок акций, усилилась неустойчивость на рынке оффшорного юаня. На нем курс юаня к доллару снижался быстрее, чем на континентальном рынке. Юань спускался до отметки в 6,75 юаня за доллар, разрыв между курсами внутреннего и оффшорного юаня временами превосходил 1600 пунктов, то есть достигал примерно 2,8%. Зашатался курс гонконгского доллара, к середине месяца он вплотную подходил к нижней границе коридора своих возможных колебаний.

В США и Германии отмечалось ощутимое уменьшение показателей фондовых индексов. Вновь, как и в августе, снижались курсы корейской воны, малазийского ринггита, тайского бата и других валют. Под давлением оказались цены мирового рынка на нефть, цветные металлы, железную руду и т.д.

Панические настроения подогревались даже не столько самим фактом девальвации, сколько индифферентным отношением к ней китайских властей. Каких-либо развернутых объяснений от руководства НБК в отличие от августа не было. НБК предпочитал продолжать общение путем размещения на своем сайте статей «специального обозревателя». Очередная такая статья была размещена 7 января. В ней отмечалось, что повышение курса доллара и ожидания очередного повышения ставки ФРС в марте сформировали у участников рынка «девальвационную тенденцию» в отношении обменного курса пары юань-доллар, и в то же время повторялся тезис о том, что юань «по-прежнему сохраняет базовую устойчивость к корзине валют»⁹.

Конечно, подобного рода объяснения мало кого могли удовлетворить. В этой связи в иностранных, да и китайских СМИ стала высказываться мысль (в китайских СМИ она проскальзывала) о том, что девальвация осуществляется преднамеренно, а все разговоры о корзине валют являются не более чем дымовой завесой. Весьма любопытная статья на этот счет была опубликована в *South China Morning Post*¹⁰. Впрочем, в тот момент эти разъяснения, по сути, было некому давать. 12 января Госсовет сменил руководителя Государственного Управления валютного контроля. Вместо занимавшего этот пост И Гана был назначен Пань Гуншэн. Хотя замена эта была плановой, о ней было известно еще в конце прошлого года, но следует отметить, что момент для передачи полномочий в ведомстве, непосредственно отвечающем за вопросы курсовой политики, был выбран не совсем подходящий.

В целом лодку удалось раскачать довольно сильно. Власти были вынуждены всерьез взяться за стабилизацию положения по нескольким направлениям. Во-первых, для восстановления контроля на внутреннем рынке были традиционно использованы прямые валютные интервенции.

Во-вторых, большее внимание было обращено на ситуацию на оффшорном юаневом рынке. Конечно, по своим размерам он не может сравниться с валютным рынком внутри Китая, однако в условиях распространения панических настроений оффшорный рынок стал в определенной мере задавать тон рынку внутреннему. «Муха на рогах вола» в каком-то смысле стала управлять им. В этой ситуации НБК, помимо интервенций (продажа долларов и покупка юаней), старался уменьшить объем юаневой ликвидности,

перекрыть каналы для трансграничных спекулятивных операций, связанных с разницей курсов внутреннего и оффшорного юаня. С 25 января была введена в действие ранее не применявшаяся норма обязательного резервирования для депозитов иностранных банков на территории КНР.

В-третьих, были активизированы информационные обмены по вопросам реформы валютного курса на высоком уровне между КНР и США, а также КНР и МВФ. 28 января состоялся телефонный разговор Ли Кэцзяна и К. Лагард. Китайский премьер подчеркнул, что «китайское правительство не имеет намерения посредством девальвации подталкивать экспорт, не будет вести валютной войны». Ли Кэцзян также заявил о том, что «юань сохраняет базовую стабильность к корзине валют», что Китай при проведении реформы валютного курса «твердо придерживается принципов самостоятельности, постепенности, управляемости и будет усиливать контакты с рынком»¹¹.

В начале февраля эта тема дважды обсуждалась между вице-премьером Ван Яном и министром финансов США Дж. Лью. Кроме того, американцы поддерживали контакт с руководством аппарата руководящей группы ЦК КПК по финансам и экономике, то есть с экономическими советниками Си Цзиньпина.

В конце января — начале февраля, по крайней мере внешне, буря вокруг юаня несколько улеглась. Курс на внутреннем рынке стабилизировался, разрыв между внутренним и оффшорным юанем заметно сократился. За январь девальвация юаня к доллару составила 0,89%, к евро и иене соответственно 0,17% и 0,44%. К британскому фунту юань наоборот поднялся на 2,79%. Валютный индекс юаня на конец января был равен 100,15, то есть уменьшился на 1,78% по сравнению с 30 ноября, но оставался выше уровня конца 2014 г.¹²

Вместе с тем, дальнейшие перспективы китайской валюты остаются весьма неопределенными. Большинство экспертов и аналитиков придерживаются той точки зрения, что в 2016 г. юань продолжит снижение, и расходятся только в оценке того, насколько это снижение может быть глубоким. В то же время есть мнения, в том числе авторитетных экономистов, например, Н. Рубини, что реальные события могут пойти по другому сценарию, при котором девальвация юаня к доллару будет не слишком значительной. Это будет зависеть от колебаний курсов мировых валют, целей реформы системы формирования валютного курса, степени ее прозрачности, способности китайских властей управлять рыночными ожиданиями и т.д.¹³

Первые полгода реформы валютного курса показали, что она является делом не только сложным, но и весьма затратным. Об этом свидетельствуют данные об изменениях размеров валютных резервов Китая. За 2015 г. последние уменьшились на 512,8 млрд долл. с 3,821 трлн долл. до 3,330 трлн долл. Во второй половине года сокращение резервов происходило постоянно за исключением октября и составило 363,4 млрд долл. Наиболее значительно резервы уменьшались в августе, ноябре и декабре. Как легко заметить, именно в эти месяцы юань находился под максимальным давлением, и НБК пытался сгладить колебания и не допустить чрезмерного ослабления национальной валюты. Указанная закономерность проявилась и в январе, когда резервы вновь сократились на 99,47 млрд долл. Получается, что каждый новый шаг по пути реформы валютного курса, сопровождаемый девальвацией, становится все дороже.

Ускорившееся сокращение валютных резервов вызывает в Китае серьезную озабоченность. Известный экономист Ли Даокуй в этой связи высказал предположение, что в текущем году валютные резервы могут сократиться еще примерно на 500 млрд долл., а также призвал из всех сил удерживать рубеж в 3 трлн юаней. По его мнению, это имеет «исключительно важное значение» для реального сектора, фондового рынка, а также перспектив интернационализации юаня. Наиболее рациональным путем для этого ему видится привязка юаня к корзине валют и четкие сигналы со стороны НБК о том, на каком уровне он намерен поддерживать стабильность курса юаня¹⁴.

Валютные резервы КНР (дек. 2013 — янв. 2016 гг., млрд долл.)

Дата	Сумма	Изменение
Декабрь 2013 г.	3821,315	
Декабрь 2014 г.	3843,018	
Июнь 2015 г.	3693,838	-119,576*
Июль 2015 г.	3651,310	-42,528
Август 2015 г.	3557,381	-93,929
Сентябрь 2015 г.	3514,120	-43,261
Октябрь 2015 г.	3525,507	+11,387
Ноябрь 2015 г.	3438,284	-87,223
Декабрь 2015 г.	3330,362	-107,922
Январь 2016 г.	3230,893	-99,469
* Изменение по сравнению с началом 2015 г.		

Источник: URL: <http://www.safe.gov.cn>

Эти взгляды разделяются многими китайскими экспертами, которые считают, что Китаю было бы целесообразно ускорить переход к системе управляемого плавающего курса, схожего с сингапурской моделью привязки к корзине валют. Дальнейшая неопределенность в вопросе конечных целей реформы валютного курса, которая наблюдается в настоящее время, чревата новыми и непредсказуемыми обострениями и рисками в будущем.

Один из них заключается в том, что ожидания продолжения девальвации набрали большую силу и оказывают воздействие на поведение предприятий, которые в предшествующие годы исходили из того, что курс юаня будет продолжать расти или, во всяком случае, оставаться стабильным. С учетом того, что ставки на китайском финансовом рынке выше, чем на западных, привлечение кредитов в иностранной валюте выглядело очень привлекательным, и предприятия как частные, так и государственные охотно на это шли. По оценкам Банка международных расчетов (Bank for International Settlements), к середине 2015 г. валютная задолженность китайских предприятий достигала 1,25 трлн долл., из которых до 70% приходилось на краткосрочные кредиты сроком до года¹⁵.

Сейчас, когда курс юаня и банковские ставки внутри Китая снижаются, такие операции перестали быть выгодными. Многие предприятия, опасаясь продолжения девальвации, стремятся досрочно погасить задолженность и тем самым еще более повышают спрос на валюту, дополнительно расшатывая валютный рынок.

Девальвация породила определенные сложности в процессе интернационализации юаня. В 2015 г. впервые на 152,4 млрд юаней (15,2%) уменьшились размеры юаневых депозитов в Гонконге. На 38% сократились объемы выпуска номинированных в юанях долговых обязательств¹⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что сама по себе девальвация является оружием обоюдоострым. Она имеет как возможные плюсы, так и минусы. Попытки путем девальвации подхлестнуть экономику в последние годы предпринимались в различных странах, однако далеко не во всех случаях они были успешны.

Через полгода после начала реформы валютного курса по-прежнему трудно с полной определенностью сказать о ее этапах и скорости. Понятно, что вопрос о полной либерализации механизма определения валютного курса ни сейчас, ни в обозримой перспективе на повестке дня не стоит. Китайский финансовый рынок к этому просто не готов. На нынешнем этапе речь может идти, пожалуй, только об ограниченном применении рыночных механизмов, а также выработке неких правил игры, позволяющих эти механизмы использовать. Одним из таких вариантов вполне может стать привязка юаня к корзине валют.

Идея эта — не новая. О ней говорилось еще в 2005 г., когда НБК «отвязал» юань от доллара и начал проводить политику «ползучей» ревальвации. Однако в период международного финансового кризиса 2008–2009 гг. сцепка между юанем и долларом была восстановлена. К медленной ревальвации Китай вернулся только в 2010 г. и продолжал ее вплоть до прошлого года.

Особенности нынешней реформы валютного курса заключаются, как видится, в двух моментах. Во-первых, она проводится в период значительных трудностей в китайской экономике, обусловленных исчерпанием старых движущих сил роста и ее переходом к новой модели развития, а также неопределенной обстановки в мировой экономике, которая пока не может полностью преодолеть последствия международного финансового кризиса и по большей части по-прежнему переживает период депрессии. Раньше Китай в подобных ситуациях каких-либо новаций в области валютной политики избегал, предпочитая им стабильность. Так было и в период Азиатского финансового кризиса конца 1990-х годов, и международного кризиса 2008–2009 гг. И необходимо отметить, что такая политика себя оправдывала. Во-вторых, реформа валютного курса проводится в условиях, когда Китай заметно продвинулся по пути интернационализации своей национальной валюты. Это абсолютно новое обстоятельство, которого раньше не было. Несмотря на сохраняющиеся перегородки, международный и китайский финансовые рынки стали ближе друг к другу, степень их взаимовлияния возросла.

Все это кратно усложняет проведение реформы. Вполне возможно, что в вопросах, связанных с ней, в китайском руководстве нет полного единства. Иначе трудно объяснить отстраненную позицию руководства НБК в разгар последнего витка девальвации юаня в январе. Пока же дело идет по принципу: «сделать шаг, остановиться, посмотреть». Принцип этот — хороший, проверенный. Однако он эффективен лишь тогда, когда хотя бы в первом приближении понятны цели и промежуточные этапы движения. Так ли это на самом деле применительно к реформе валютного курса — большой вопрос. В общем, ясность — одна из форм полного тумана.

* * *

В конце китайских новогодних праздников медиа холдинг «Цайсинь» опубликовал большое интервью Председателя НБК Чжоу Сяочуаня, который нарушил свое затянувшееся молчание и довольно подробно остановился на вопросах девальвации юаня и реформы валютного курса¹⁷. По его мнению, базы для продолжительной девальвации юаня нет. Базовая стабильность курса китайской валюты обеспечивается двумя фундаментальными факторами: во-первых, значительным профицитом внешнеторгового баланса, который в прошлом году достиг рекордных 598,1 млрд долл., а также общим положительным сальдо по текущему счету; во-вторых, низким уровнем инфляции.

Что же касается замедления китайской экономики, то оно действительно происходит. Вместе с тем в период 2009–2010 гг., когда Китай реализовывал план стимулирования национальной экономики, его вклад в рост мирового ВВП достигал 50%. Однако удельный вес Китая в мировой экономике в то время был ниже 10%, и такое положение не могло продолжаться слишком долго. Сейчас вклад Китая в мировой рост снизился примерно до 25%, что, с точки зрения Чжоу Сяочуаня, является «сравнительно близким к норме», так что «это отнюдь не какая-то жесткая посадка».

Говоря о реформе валютного курса, руководитель НБК отметил, что для ее реализации «может потребоваться сравнительно длительное время». «Искусство реформы состоит в том, что когда появляется окно возможностей, продвигаться вперед надо быстро и решительно, когда же такого окна нет, не следует действовать безоглядно, можно и подождать», — подчеркнул он. В любом случае, однако, Китай намерен, проводя реформу, вооружиться терпением, не идти к поставленным целям напролом, оставаясь «ответственной экономической державой».

Интервью Чжоу Сяочуаня как бы подвело в определенном смысле черту под бурными событиями последних месяцев. Вновь, как и прошлой осенью, наступил период затишья. Однако не приходится сомневаться, что, возможно, в совсем близком будущем китайская валюта преподнесет еще немало сюрпризов.

-
1. China Commerce Yearbook 2015 China Commerce and Trade Press Beijing 2015. P. 76; URL: http://www.chinacustomsstat.com/aspx/1/NewData/Stat_Class.aspx?state=1&t=2&guid=7081.
 2. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/xwf/bh/20160120.shtml>.
 3. URL: <http://economy.caijing.com.cn/20151221/4036316.shtml>; South China Morning Post 21.12.2015.
 4. Shanghai zhengjuanbao 4 Feb. 2016.
 5. URL: http://www.ce.cn/macro/more/201601/05/t20160105_8056170.shtml.
 6. URL: http://news.xinhuanet.com/fortune2015-09/26_128270196.htm.
 7. URL: <http://yuanchang.caijing.com.cn/2015/1201/4022450.shtml>; URL: <http://120.52.72.44/www.imf.org/c3pr90ntcsf0/external/np/exr/facts/rus/sdrr.pdf>.
 8. URL: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/2988677/index.html>; <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/2988857/index.html>.
 9. URL: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/3002076/index.html>.
 10. URL: South China Morning Post 1.02.2016.
 11. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-01/28/c_1117929389.htm.
 12. URL: <http://finance.caijing.com.cn/20160202/4064995.shtml>.
 13. URL: <http://international.caixin.com/2016-02-05/100907829.html>.
 14. URL: http://finance.ce.cn/rolling/201601/10/t20160110_8169281.shtml.
 15. URL: http://finance.ce.cn/rolling/201601/12t20160112_8207124.shtml.
 16. URL: <http://finance.sina.com.cn/stock/usstock/c2016-01-31/doc-ifynznanh0442049.shtml>.
 17. URL: <http://weekly.caixin.com/2016-02-12/100908570.html>.